

Г. М. ПРОХОРОВ

КАК А. С. ОРЛОВ РАЗОБЛАЧАЛ АКАДЕМИКА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ЛИХАЧЕВА

Устный рассказ профессора Никиты Александровича Мещерского¹

Во время одного из посещений больного Никиты Александровича Мещерского, отвечавшего благосклонностью на мое глубокое уважение к нему и симпатии, мы разговорились о первоначальном славянском письме, глаголице. И Никита Александрович рассказал мне публикуемую ниже историю. Рассказ Никиты Александровича побудил меня к поискам родственных глаголице алфавитов, (результатом этих поисков явилась моя статья «Глаголица среди миссионерских азбук» // ТОДРЛ. Т. 45. СПб., 1992. С. 178—199). С позволения Никиты Александровича 25 декабря 1986 г. у него дома я записал этот рассказ на магнитофон, а затем подготовил к печати.

В 1929 году, как известно, был арестован академик Николай Петрович Лихачев. И его музей — Вы знаете: Петрозаводская, дом 7 — должен был инвентаризироваться. А одним из членов комиссии по описанию этого музея был — тогда еще не академик, а профессор — Василий Васильевич Струве.² И он туда пристроил своих учеников, в том числе и меня. Мы должны были в течение нескольких дней, за две недели, проинвентаризировать весь музей.

Я тогда уже окончил университет и окончил даже аспирантуру. Аспирантуру я кончал по Древнему Востоку, да, между прочим, и по гебраистике. У меня была такая специальность: эллинизм на востоке Средиземного моря. Ну и вот, я работал в этой области, но вместе с тем интересовался славянской письменностью и славянскими языками и великолесно в этом разбирался. Я тогда писал, должен был писать, диссертацию о «Повести об Акире»,³ об Ахикаре —

исследовать все ее варианты начиная с арамейского и кончая славянским и даже румынским.

Ну и вот, значит, мы вдвоем с Юрием Яковлевичем Перепелкиным⁴ занимались инвентаризацией Древнего Востока. У Николая Петровича Лихачева очень много было коллекций материалов письменности Древнего Востока, начиная с ассирийско-вавилонских табличек и кончая большими египетскими стелами. Все это нужно было заинвентаризировать, а затем очень быстро запаковать в ящики и отправить с Петрозаводской, дом 7, в помещение БАН, Библиотеки Академии наук, где им отделили специальные помещения — по-моему, на втором этаже — для лихачевского музея, ИКДП — Института книги, документа и письма. Мы должны были быстро все это инвентаризировать, а затем распорядиться укладкой и отправкой.

Работали мы над этим примерно месяца полтора. И вот, работая там, узнали, что назначен новый директор ИКДП — из Москвы, Александр Сергеевич Орлов,⁵ тогда еще профессор. Ну, наружность его Вы знаете? Вы его когда-нибудь видели? Он был необыкновенно некрасив.⁶ У него какая-то болезнь на носу была. Нос у него был вроде того, что у Федота Петровича Филина.⁷ Они были очень похожи в этом отношении. Так что я спрашивал того: «Вы не родственник Александра Сергеевича Орлова?», — потому что очень на него похож был. Нет, он не высокий был, среднего роста, и не очень толстый. Он был уже седовласый и почтенный, лет, наверное, под шестьдесят. Это был театрал и вообще прожигатель жизни всячески. Да, выпивать любил, анекдоты рассказывать, матерщинник был. Он был необыкновенный матерщинник и очень ценолюбил этим. Считал, что это так и нужно, что с товарищами иначе разговаривать и невозможно, это его выражение. И вот, значит, он воцарился там в качестве директора, пока еще на Петрозаводской, 7. Причем занял личный кабинет Николая Петровича Лихачева и усадил за его письменный стол, вскрывал его ящики.

Кабинет находился на втором этаже, где сейчас дирекция Института истории. И там, значит, заседал — тогда еще не академик — профессор Орлов в качестве директора ИКДП. Сидя там, он начал говорить, что вот, мол, какой мерзавец Николай Петрович Лихачев: держал у себя в столе такие необыкновенные вещи и никому об этом не говорил. Что же такое он там обнаружил? Якобы славянскую глаголическую пергаменную рукопись X века. Славянскую рукопись X века! Ну, об этом пошел слух по музею, все стали говорить о необыкновенной находке, которую сделал Орлов. Я как-то захожу к нему в кабинет, спрашиваю: «Александр Сергеевич, что за

⁴ Юрий Яковлевич Перепелкин (1903—1982) — ситнолог, трудившийся в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР.

⁵ Александр Сергеевич Орлов (1871—1947) — историк литературы, профессор Московского и Ленинградского университетов, первый заведующий отделом древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, академик с 1931 г.

⁶ Человек красивый, А. С. Орлов был обсебображен черной оспой в 20-х годах. См. об этом: Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 372.

⁷ Федот Петрович Филин (1908—1981) — лингвист, лексиколог, член-корреспондент АН СССР, директор Института русского языка, затем Института языкознания АН СССР.

¹ Никита Александрович Мещерский (1906—1987) — филолог, литературовед, лингвист, в 1963—1978 гг. заведующий кафедрой русского языка в Ленинградском государственном университете. См. о нем: Алексеев А. Никита Александрович Мещерский (1/14 I 1906—3 III 1987): (Некролог) // ТОДРЛ. Т. XLII. Л., 1988. С. 453—456.

² Василий Васильевич Струве (1889—1965) — востоковед, с 1935 г. академик, директор Института этнографии, затем Института востоковедения АН СССР.

³ «Повесть об Акире Премудром» — ассирийская в основе повесть VII—V вв. до Р. Х. о мудром советнике ассирийского царя Синагришиа, персидская, возможно, с сирийского языка на Руси, вероятно, в XI—XII вв. Кроме славянской, известны ее арамейская, арабская, армянская, грузинская и румынская версии.

рукопись, которую Вам удалось обнаружить? Вы разрешите посмотреть, что Вы нашли?». Он: «Пожалуйста, пожалуйста! Я Вам сейчас покажу».

Действительно, рукопись пергаменная, но видно, что это не X век. «Нет, — говорю, — Вы ошибаетесь: это не X век». Да и рукопись-то, вижу, не славянская. Потом я обратил внимание, что на корешке книги — этикетка букиниста, у которого, видимо, Николай Петрович Лихачев купил эту рукопись в Париже, и там написано по-французски: «Psautier éthiopien».⁸ Я говорю: «Вот, смотрите, что это такое. Видите? Это XIX век. И не славянская, а эфиопская рукопись. Эфиопская рукопись XIX века». Они писали и, вероятно, до сих пор там на пергамене пишут. Здорово? Здорово то, что такой человек, считавший себя большим специалистом, не смог отличить одно от другого. Ну да, он думал, что это глаголическая рукопись. Ему показалось, что это глаголица. И при этом он ругал Лихачева за то, что тот хранил в своем кабинете такие вещи — глаголическую рукопись X века!

А эта эфиопская рукопись сейчас, наверное, в коллекции БАН или Института востоковедения. Но особой ценности она не представляет. XIX век.

А когда в 1932 году Николай Петрович Лихачев вернулся в Ленинград, он просил Александра Сергеевича Орлова как директора ИКДП разрешить ему описать печати из своей коллекции. На общественных началах. Но тот не разрешил. Николай Петрович очень огорчился и заболел; вскоре у него случился паралич. Он поболел немного и умер.

А Александр Сергеевич Орлов стал после этого академиком, начал читать курс древнерусской литературы в университете и дожил, вероятно, до 1946 или до 1947 года.

Писал он мало. По библиографии — номеров пятьдесят, не больше. Хороший ли он был преподаватель, трудно сказать. Вы знаете курс его лекций, он же опубликован. Вы, наверное, читали его. Ну, так, кое-что интересное там должно быть с точки зрения древнерусской литературы. Но вот как он знал палеографию, насколько был в ней грамотен и мог быть компетентным в этих вопросах — хе, хе, хе...

⁸ «Псалтирь эфиопская» (франц.).

И. П. МЕДВЕДЕВ

В. Н. БЕНЕШЕВИЧ КАК «ДУШЕПРИКАЗЧИК» Н. П. ЛИХАЧЕВА

В последние три года жизни у Н. П. Лихачева, пожалуй, не было более близкого по духу, по научным интересам, по общности горестных переживаний друга, чем В. Н. Бенешевич. Сама судьба распорядилась так, чтобы оба они оказались вовлеченными дьявольскими силами в фантазматерию так называемого «академического дела»,¹ приняли крестные муки ссылки и лагерей, на сей раз выжили, вернулись в Ленинград, с тем чтобы в поисские экстремальных условиях успеть еще что-то воплотить из задуманного ранее.

Свидетельств об их контактах в эти годы не так уж много, но все сохранившиеся весьма красноречивы. Вот, например, письмо В. Н. Бенешевича от 22 октября 1933 г.: «Дорогой Н. П. Все хочу повидать Вас, и сил не хватает исполнить это желание. А у меня есть и дело. Я работаю теперь над *Melanchtoniana*:² нашел его (т. е. Филиппа Меланхтона. — И. М.) dictatus к греческим текстам его же издания, записанные его учеником Aloysius Cassarus, тоже известным деятелем Реформ[ации]. Нет ли в Вашем музее материалов из этой эпохи, поближе к 1519—1525 гг.? Может быть, найдутся хотя бы и печатные издания (указано несколько изданий XVI в. — И. М.)? Вообще мне интересно было бы узнать от Вас об этом всем, так как лучше Вас никто мне ничего не скажет. Знаю, что растравлю мучительную рану, но я и сам мучаюсь от такой же раны и только жалую, что не убил еще и физически, что дожил и увидел разгром работы всей моей жизни. А пока живу, надо работать, чтобы иметь силу жить. С сердечным приветом Вам В. Бенешевич».³

С аналогичным письмом он обращается к Николаю Петровичу и 22 февраля 1934 г.: «Дорогой Н. П., все время собираюсь к Вам,

¹ «Скорбная эстония» этого «дела» пишется: БАН России начинают публиковаться «документы и материалы дела, сфабрикованного ОГПУ», выпущен уже I-й том, посвященный акад. С. Ф. Платонову (см.: Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. I. СПб., 1993); предусмотрены, между прочим, тома с материалами обвинения Н. П. Лихачева и В. Н. Бенешевича.

² См. издание: *Melanchtoniana: Ein Beitrag zur Literaturgeschichte des byzantinischen Rechts in Westeuropa 1521—1560* / Von W. Benesiewicz. München, 1934. 125 S.

³ СПб. ФА РАН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 79, л. 7.